

Глава 3 Прекрасное время – злосчастное время...

3.1 Спад производства: факт и козырь в политической борьбе

Критики обвиняют реформаторов в том, что они привели страну к жесточайшему экономическому спаду со всеми вытекающими из него последствиями: падением жизненного уровня населения, снижением обороноспособности страны, демографическими проблемами и т.п. Это стало козырной картой в их политической борьбе.

При этом игнорируются очевидные статистические факты: *на протяжении нескольких последних десятилетий существования Советского Союза темпы роста экономики неумолимо снижались, а уже с 1990 года (по некоторым отраслям еще раньше) общественное производство стало сокращаться в абсолютных размерах.* Если читатель не забыл, соответствующие цифры были даны в первой главе этой книги.

Это ли не кризис, причем начавшийся - самое малое - *за два года* до того, как «ответственные за него» демократы пришли к власти? Истина в том, что кризис советской, а значит и российской экономики готовился исподволь, он лишь продолжил многолетнюю тенденцию и начался *задолго до 2 января 1992 года*, с которого принято вести отсчет реформам. Первостепенную роль здесь сыграл организованный республиканскими коммунистическими элитами распад Советского Союза, а значит и некогда единого народнохозяйственного комплекса, а уже потом к этому присоединились дополнительные факторы, порожденные рыночной перестройкой экономики и управления производством.

Верно, в процессе реформы спад усилился. Вопрос о мере и длительности. Уже с начала 1992 г. противники реформы (в первую очередь — коммунисты, под чьим мудрым руководством страна пришла к финансовому банкротству и территориальному развалу!) заговорили о неизбежном не сегодня — завтра

«коллапсе российской экономики». О коллапсе пророчествовали в 1993 г. с трибуны Всероссийского экономического совещания А. Руцкой и Р. Хасбулатов, такие разговоры продолжалось и в 1994 г., и в начале 1995 г. Потом, когда появились признаки стабилизации, «пророки» плавно перешли к новой формуле: «стагнации» или «депрессии».

Когда же начался закономерный *послекризисный подъем*, еще одной расхожей темой, еще одной козырной картой стал тезис о беспрецедентной *глубине спада* российской экономики за последние годы. Дескать, конечно, спад мог быть, но умеренный, а вот в его невиданной глубине — тут уж сомнений нет! — виноваты реформаторы и затеянные ими реформы. А значит, именно они должны отвечать за неизбежное при таком спаде катастрофическое снижение уровня жизни народа, за все страдания, пережитые им в течение последних полутора десятилетий.

Действительно, по данным официальной статистики, с высшей точки (где-то около 1988 г.) до низшей (будем считать, около 1996 г., после которого, хотя и с колебаниями, уровень показателя выровнялся), валовой внутренний продукт России сократился наполовину. Это очень много, хотя история знает спады и покруче.

Но давайте повнимательнее вчитаемся в цифры официальной статистики. Во-первых, вспомним, что показатель ВВП уже в 1990 году снизился на 13%, а в 1991 — еще на 19%. В первом году реформы (когда у власти было либерально-демократическое правительство) *спад оказался даже существенно меньше последней цифры* — 12%. Дальше темпы падения ВВП колебались вокруг отметки в 15% в год и резко пошли на убыль в 1995 и 1996 гг. (что в сочетании со столь же резким снижением инфляции свидетельствовало о действительном начале экономической стабилизации в стране). Арифметика тут простая: на время самих реформ приходится примерно половина общего спада — это тоже немало, но уже совсем не «беспрецедентно».

Во-вторых, не стоит забывать о «статистической иллюзии». Так назвал оценки спада в России, распространенные в некоторых органах информации, уже упоминавшийся профессор А. Ослунд. Он напомнил, что в свое время советская статистика регулярно преувеличивала объемы производства (о чем, собственно, каждый из нас догадывался, хотя прямо говорить об этом, скажем мягко, не было принято), а вот после начала реформ статистика – теперь уже российская – скорее ударилась в обратную крайность: основная ее тенденция — занижение реальных показателей. Прежняя тенденция прослеживалась повсюду: от приписок на предприятиях до «скорректированных» отчетов о выполнении и перевыполнении государственных народнохозяйственных планов. По оценке Ослунда, в среднем объем валового внутреннего продукта в СССР завышался примерно на 5%.

Новая же тенденция объясняется, прежде всего, стремлением частных, да и государственных предприятий сокращать налоговые выплаты (для чего и надо занижать отчетные цифры о производстве и прибыли), а также тем, что чиновники на местах и в отраслевых ведомствах стремятся выбивать «селективную» государственную поддержку: субсидии и другие вспомоществования, изрядная часть которых неизбежно прилипает к рукам, протянутым за помощью. Далее, статистические органы не всегда учитывают, да и не могут учитывать весьма существенные объемы производства в так называемых черном и сером секторах экономики (вот только один пример: в Екатеринбурге долгое время с государственным майонезным заводом успешно конкурировал другой; все знали его марку, но о его существовании не ведали... ни налоговые органы, ни, разумеется, статистики) Наконец, явные и тайные сторонники прежнего режима заинтересованы в занижении экономических показателей для того, чтобы представлять ситуацию в стране самым пугающим образом.

О масштабах «недописок» (назовем их так по аналогии с прежними «приписками») можно судить по многим фактам, так или иначе получавшим огласку. Например, в последние весенние месяцы 1996 г. организации «Росхлебопродукта» вдруг резко увеличили закупки зерна в хозяйствах, хотя, по статистике, его там оставаться уже не должно было вовсе — из-за низкого урожая 1995 г. Расчеты, проведенные тогда сотрудниками Института экономики переходного периода, показали, что официальные цифры реального валового сбора зерна в 1995 г. были занижены на 3-4 млн тонн (на 4,5-6%).

Уже упоминалось, что важнейшим косвенным показателем действительного объема производства в стране является выработка электроэнергии. Это такой продукт, который запасти и спрятать невозможно — сколько произведено, столько и потреблено. В России, где, в отличие от США и других развитых стран, доля бытового потребления электроэнергии (по сравнению с производственным) относительно невелика, по ее общему расходу можно получить весьма достоверные данные об изменениях в объеме производства. Так вот, в годы самого глубокого спада (при уменьшении ВВП почти наполовину!) производство электроэнергии в стране сократилось лишь примерно на 17 - 18%. Сходную динамику, кстати, демонстрирует статистика транспортных перевозок.

Что же получается? Завод стоит, а энергию потребляет? Могут возразить, что в любом случае приходится освещать, отапливать помещения. Но это не в счет: даже зимой в нормальных условиях на такие нужды уходит не более 10-12% электроэнергии, а в большинстве случаев — намного меньше. Или другой вопрос: промышленность не работает, а что же возят железнодорожные вагоны? ¹

¹ Иногда можно прочитать обвинения такого рода: современная статистическая служба в своих сводках завышает результаты, учитывая так называемую неформальную экономическую деятельность, чего не делала советская статистика. Вряд ли обвинения праведливы: масштабы теневой экономики тогда и сейчас просто несопоставимы: тогда она ничего не могла прибавить к общим объемам производства на фоне массовых приписок, теперь она существенно превышает размеры «недописок», искажая общие результаты.

В целом, разумеется, очень приблизительно, на статистическую иллюзию можно списать по меньшей мере 10% общего спада ВВП. Прибавьте к этому «дореформенные» 20-25%, и вы получите более или менее объективную картину. Грубо говоря, собственно реформы «ответственны» за снижение производства процентов на 15-20. Это, безусловно, много. Но это никак не соответствует тем цифрам, которые распространяются противниками российских реформ.

К тому же нельзя не видеть, что в ряде случаев снижение производства было не бедой, а наоборот, благом, поскольку означало сокращение бесплодного расходования ресурсов страны в ущерб интересам и благосостоянию населения. Речь идет о сокращении выпуска не только вооружений, но также многих мирных видов продукции — расточительных в силу технической отсталости, низкого качества, применения крайне неэффективных технологий.

На самом деле, производство в стране сократилось больше, чем ожидали реформаторы, закрывая военные заводы и начиная их конверсию. Но какая была альтернатива? Продолжать перемалывать ресурсы страны и труд народа в ничто?

Эта часть падения производства, какие бы тяготы она ни принесла (например, безработицу в закрытых городах) — по существу, не кризис, а начало структурной перестройки народного хозяйства. Все равно когда-то надо было вырезать эту опухоль на его теле. И не ругать, а воздать должное надо тем, кто на это решился, идя сквозь револьверный лай, как по другому поводу говорил поэт.

Только пройдя структурную перестройку, то есть перейдя на мирные рельсы, наша экономика может действительно стать могучей, стать экономикой для человека. Но это потребует десятилетий труда и огромных затрат, которые пока не позволят народу вкушать в полной мере плоды рыночных реформ. В этом главное противоречие нашего времени.

Сложность проблемы можно продемонстрировать следующими фактами.

Анализ структуры производства и характера хозяйственных связей, которые сложились за десятилетия административного управления экономикой, обнаруживает много интересного и даже неожиданного, в какой-то мере тоже относящегося к «чудесам» советской статистики.

Считалось, например, что в 1991 году такие две отрасли промышленности, как легкая и пищевая, ориентированные преимущественно на внутреннее конечное потребление, давали около одной трети совокупного объема промышленного производства (структура промышленного производства СССР отличалась от российской в незначительной степени). Казалось бы, треть – совсем немало, это никак не увязывается с известным тезисом о примате тяжелой промышленности в стране, о недостаточной доле потребительского сектора. По сути, подобная структура производства должна была бы характеризовать российскую (или советскую) экономику как нормальную экономику, обслуживавшую в первую очередь население. Почему же на потребительском рынке наблюдался хронический дефицит как продуктов питания, так и товаров длительного пользования? Почему — особенно в конце 80-х - начале 90-х годов — страна была вынуждена импортировать, в основном, именно эти товары?

В то же время, например в Финляндии, стране, экспортировавшей в Россию продукты питания, одежду и обувь, удельный вес пищевой промышленности в общем объеме промышленного производства составлял порядка 14%, а удельный вес легкой промышленности — лишь около 3%.

В России доля энергетического сектора (электроэнергетика и топливная промышленность) была немногим выше 11 % — то есть столько, сколько в той же Финляндии. При этом Россия поставляла энергоносители на мировой рынок, а Финляндия их импортировала! Объяснение указанных парадоксов достаточно тривиально — искаженные в сравнении с ценами мирового рынка

внутренние советские цены. Во-первых, цены на сырье и энергию занижались относительно цен изделий обрабатывающей промышленности, во-вторых, политика низких цен на средства производства (и особенно на вооружения) по сравнению с ценами на предметы потребления окончательно искажала стоимостные пропорции в экономике.

Были проанализированы соотношения между ценами на мировых рынках и в России до начала реформ; приведенные выше проценты, соответственно, пересчитаны. И получилось, что стоимостной объем продукции топливно-энергетического сектора увеличился до 38,1 % общего объема промышленного производства, а, наоборот, доля легкой промышленности снизилась с 16% (во внутренних ценах) до 2,9% (в мировых ценах).

Все это убедительно свидетельствует о совершенно иной структуре экономики, чем та, которая традиционно представлялась советскими источниками. Это была экономика, ориентированная на производство энерго-сырьевых ресурсов и так называемых товаров промежуточного назначения (предназначенных для дальнейшей переработки). И конечно, - вооружений. То есть она работала не на человека, а исключительно на себя и еще на удовлетворение имперских амбиций коммунистических вождей. Значит, справедливо покойный журналист - демократ Василий Селюнин называл социалистическую экономику «самоедской»!

Несколько слов о структуре цен, из-за которой, собственно, статистика оказалась искаженным зеркалом советской экономики. Она явилась порождением преимущественно экстенсивного развития экономики и свидетельствовала о крайне невысокой (за редкими исключениями) эффективности промышленных технологий. Изобилие энерго-сырьевых ресурсов в стране, низкие и редко менявшиеся цены на них никак не стимулировали их бережного использования, повышения эффективности производства. В то время, как постоянно менявшаяся структура мировых цен стимулировала развитие новых технологий, появление качественно новых

товаров, в СССР эти процессы были практически заморожены. Получалось, что искаженные цены подавали искаженные сигналы как потребителям, так и производителям. Это в существенной степени и обусловило тупиковое развитие советской экономики.

Из всего сказанного ясно: спад — той или иной степени глубины — был неизбежен. Но вот глубина его упорно преувеличивается критиками реформ — не истины ради, а ради получения дивидендов в политическом бизнесе.

Впрочем, сегодня вопрос этот потерял былую остроту: экономический спад (или, как говорят специалисты по транзитологии, - «трансформационная рецессия») ушел в прошлое. Тем острее стоит сегодня *вопрос о структурной перестройке общественного производства*. Почему-то в обществе (а главное – в правительстве) ему не придается должного значения. По существу, воспроизводится прежняя советская структура хозяйства, которая держалась на двух китах: топливно-энергетическом и военно-промышленном комплексах. Статистика показывает, что вместо исправления доставшихся от прежнего режима перекосов, пока они только усиливаются: если топливные и сырьевые отрасли, даже машиностроение, приближаются по объему продукции к дореформенному уровню (а кое-где и превосходят его), то отрасли легкой промышленности катастрофически отстают. В ряде из них (например, текстильной и швейной) производство сократилось в пять раз (!) и никакой тенденции к росту не просматривается. Мы уже говорили о том, что нехватка товаров на рынке – главная причина инфляционной неустойчивости отечественной экономики. Без решения этой проблемы нельзя рассчитывать на то, что подъем, который мы наблюдаем сегодня, наступил окончательно и бесповоротно.

3.2 Так как же мы живем?

Любые реформы, любые революции в конечном счете имеют целью улучшить жизнь народа - иначе зачем бы они были нужны? В некоторых случаях это удастся, в других - нет. Самый яркий пример второго, отрицательного исхода - Октябрьская революция в России. Не все организовавшие ее большевики были бандитами и германскими шпионами, как их порою изображают – многие из них искреннее мечтали о народном счастье, недаром их называли идеалистами. Но факт остается фактом: они ввергли множество народов России и ряда других стран в пучину бедствий, продлившихся львиную долю XX столетия.

А что можно сказать о рыночных реформах в России? Примерно то же самое?

Вопрос не из простых. Критики говорят об «ограблении» народа в результате проводившейся политики экономической стабилизации, в результате приватизации и вообще - реализации программы рыночных реформ. Да, создается впечатление, что в целом в конце двадцатого и начале двадцать первого столетия мы стали жить хуже. Об этом свидетельствуют статистика, социологические опросы.

Спад производства привел к катастрофическому снижению уровня жизни значительной части населения страны. Уверен - к временному снижению. Число людей, имеющих доходы ниже так называемого прожиточного минимума, резко увеличилось. Причем среди них – что особенно важно – оказалось много работающих людей; в одной из телевизионных передач НТВ были показаны шокирующие кадры: в числе бедных фигурировали учителя, врачи и даже профессора. Образовались целые районы и города, которые получили название депрессивных - там бедные люди составляли чуть ли не преобладающую долю населения.

На низшей точке спада (1999 год) доходы ниже прожиточного минимума имела почти половина населения. Правда, потом эта доля постепенно стала уменьшаться,

достигнув в 2005 году 17 процентов. Это тоже очень много. Проблема борьбы с бедностью стала одной из основных экономических и социальных проблем страны.

Но давайте и здесь разберемся со статистикой. Во-первых, с показателем прожиточного минимума, во-вторых – с общими показателями, характеризующими жизненный уровень населения.

	199	200	200	200	200	200
	5	0	1	2	3	4
Величина прожиточного минимума в среднем на душу населения, руб. в месяц (1995 г. – тыс.руб.)	264	121	150	180	211	237
Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (млн чел.)	36,3	41,9	39,4	34,6	29,3	25,5
В процентах к общей численности населения	24,7	28,9	27,3	24,2	20,3	17,8
Минимальный размер оплаты труда, МРОТ, в среднем за год, в руб. (1995 г. – тыс.руб.)	42,5	105,	250,	400,	487,	600,
		8	0	0	0	0

Величина прожиточного минимума представляет собой стоимость потребительской корзины, включающей минимальные наборы продуктов питания, непродовольственных товаров и услуг, необходимых, как говорится в законе, для сохранения жизнедеятельности человека, а также необходимые платежи и сборы. Конечно, это очень обобщенная и, главное, произвольная величина², хотя над ее исчислением ежегодно трудятся десятки ученых - экономистов, социологов, товароведов и других. С продуктами еще куда ни шло, там есть хотя бы нормы калорийности, а вот с предметами бытового обихода, с одеждой, посудой и так далее – здесь для аналитиков полная свобода фантазии. В разных странах величина прожиточного минимума различна. Причем не только по объективным причинам (в холодной стране нужно учесть теплую одежду и отопление, в жаркой – даже обувь может быть

² Математики-экономисты знают так называемую «задачу диеты», то есть модель расчета оптимального рациона питания. Помню, академик Аганбегян однажды подсчитал, что самый дешевый рацион, содержащий

не обязательна), но и по причине разных возможностей государства: человек, считающийся бедным в одной стране, вполне сойдет за представителя среднего класса в другой. Да и внутри страны различия могут быть немалыми: недаром величина прожиточного минимума устанавливается в каждом регионе с учетом местных цен и иных условий.

В конечном счете, все это было бы не существенно, и точные цифры не имели бы никакого значения, если бы величина прожиточного минимума не использовалась как некий официальный рубеж - те, кто находится за этой чертой, пользуются разного рода государственной поддержкой: при определении пенсий, пособий и других социальных выплат, вплоть до такой важной льготы, как право на социальное жилье. А люди, доходы которых хотя бы на один рубль превышают прожиточный минимум, такой поддержкой не пользуются. Это создает в обществе опасные коллизии. Еще сложнее взаимоотношения прожиточного минимума с так называемым МРОТ - минимальным размером оплаты труда. По идее, эти величины должны были совпадать: человек, который трудится, не должен быть нищим. Но как показано в таблице, на практике они очень различны, МРОТ в несколько раз меньше прожиточного минимума. На протяжении многих лет коммунисты использовали идею равенства прожиточного минимума и МРОТ как один из своих демагогических лозунгов. Почему демагогических, если он правильный? - спросите вы. Потому что он - нереальный, и вот почему. Обязать частные предприятия повысить МРОТ было бы не сложно, хотя и здесь возможны трудности: производительность труда у нас низкая, и многие предприниматели просто разорятся из-за дополнительных затрат, выбросят рабочих на улицу. Другие уйдут в тень. В отношении бюджетников, повышение прожиточного минимума равноценно повышению первого тарифного разряда, за которым по существующим коэффициентам были бы

все необходимые человеку вещества и нужную калорийность, должен состоять из...одной капусты (с небольшими добавлениями других продуктов).

повышены и остальные разряды. Такое общее повышение зарплаты не выдержал бы и без того перегруженный бюджет.

В недавние годы государственный бюджет сводился, как мы помним, с огромным дефицитом. Исходя из всего сказанного, должно быть ясно, что в тех условиях приравнивание МРОТ к прожиточному минимуму привело бы только к дополнительному росту инфляции, со всеми вытекающими из этого разрушительными последствиями.

Сейчас иное дело. Бюджеты сводятся с профицитом, создается возможность постепенно сближать две рассматриваемые величины. Так и делается. Правительство приняло решение поднять МРОТ с 1 сентября 2005 года до 800 рублей, а в 2006 году снова его увеличить. Дальнейшее зависит от повышения производительности труда в различных отраслях. Без этого решить задачу сближения двух связанных величин - МРОТ и прожиточного минимума - будет невозможно.

За привычными стенаниями о катастрофическом снижении жизненного уровня народа из-за общего экономического («трансформационного») спада мы иной раз не замечали накопления в экономике чего-то нового и положительного. Противники реформ постоянно приводят цифры потребления мяса, рыбы и других продуктов «до и после» и утверждают: раз потребление этих продуктов снизилось, значит, снизился и общий уровень жизни населения. Мы уже в самом начале книги говорили о том, чего стоят статистические данные советских времен, в частности – и о потреблении продуктов питания; возвращаться не стоит. Но вот другие данные: россияне потратили на покупку автомобилей в 2004 году 18 млрд. долларов, в 2005 году около 21 млрд. долларов. Они приобрели только в этом году мобильных телефонов на 10,7 млрд. долларов, и так далее. Так что о падении потребления продуктов, как доказательстве снижения уровня жизни, без анализа иных фактов и обстоятельств, говорить некорректно. Если и не полностью, то в значительной части, *дело в изменении структуры спроса населения на*

товары. Ясно, что если человек тратит деньги на одно, он сокращает затраты на иное, менее для него в данный момент важное. Но при всех условиях, человек, купивший мобильный телефон, вряд ли откажет ради него себе в последнем куске хлеба. А количество «мобильников» в стране сейчас составляет около ста миллионов. (Конечно, могут возразить: есть люди, пользующиеся сразу несколькими аппаратами. Но, с другой стороны, есть немало случаев, когда одним аппаратом пользуются все члены семьи).

Ни в коем случае, не хочу этим сказать, что общий уровень жизни российского населения в результате экономического спада не снизился. Речь идет о мере этого снижения, а также о его неравномерности в географическом и отраслевом смысле. По-видимому, и здесь проявляется своя статистическая иллюзия, в основе которой лежит различие между статистическим (официальным) и субъективным (неофициальным) представлением об уровне жизни. Это различие уже давно обнаружили социологи, проводящие опросы населения.

Вот что пишет, об этом, например, исследователь сельского хозяйства (которое понесло, вероятно, самые большие потери в период реформ) В.В.Пациорковский:

«.. 20% мелкотоварных домохозяйств, по характеристикам доходов и материально-имущественной обеспеченности, вполне могут быть отнесены к выигравшим (в ходе реформ – Л.Л.). В то же время их основная масса относит себя к проигравшим...При этом хозяйственные успехи последних лет (строительство нового дома, приобретение автомобиля, землевладение и т.п.) оцениваются не в сравнении с критериями достатка предшествующего периода, а в сравнении с возможностями референтных групп текущего момента («в селе не может быть богатых, богатые в газпромах и лукойлах»), представления о которых формируются с помощью СМИ».

В.Пациорковский с удивлением обнаружил, что на рубеже столетий около 50% домохозяйств вели жилищное или хозяйственное строительство.

Причем сходные данные приводят и другие исследователи. Один из них пишет: «Показательно, что половина наших респондентов строится...». В связи с этим, заключает В.Пациорковский, «...имеющиеся сегодня оценки бедности в сельской местности весьма приблизительны. Бедность и инвестирование средств в строительство не могут быть совместимы».³

Возникает много дополнительных вопросов. На некоторые из них дает ответ резко усилившаяся дифференциация доходов как на селе, так и в стране в целом.

	5 199	0 200	1 200	2 200	3 200	4 200
Фактическое конечное потребление домашних хозяйств (в % к предыдущему году)	97,4	9 105,	2 108,	7 107,	9 106,	0 110,
Реальные располагаемые денежные доходы в % к предыдущему году	85	112	109	111	115	108
Реальный размер назначенных месячных пенсий в % к предыдущему году		128	121	116	105	106
Коэффициент дифференциации доходов	13,5	13,9	14,0	14,0	14,5	14,8

Авторы коллективного труда «Экономика переходного периода» в разделе «Социальная цена реформ» в связи с этим приходят к следующим выводам:

Сам по себе рост дифференциации доходов неизбежен в условиях экономической реформы, одна из задач которой состоит в установлении более жесткой взаимозависимости между результативностью труда и доходами: те, кто больше и лучше трудятся, овладевают нужными рынку профессиями и знаниями, должны и зарабатывать больше. Те, кто в результате приватизации законным путем, с помощью своей предприимчивости, накопил богатство, должны получать также доходы с собственности. Но, конечно, как отмечают авторы, «...отсутствие четкой законодательной регламентации

³ [Http: //...www.isesp-ras.ru/1ci/selo02.html](http://...www.isesp-ras.ru/1ci/selo02.html)

соответствующих процессов приводит к многочисленным злоупотреблениям в процессе первоначального накопления капитала, которые часто служат основным источником неоправданно резкого роста дифференциации дохода, и это вызывает значительную социальную напряженность».

Как многим известно, дифференциация доходов измеряется так называемым коэффициентом Джини. Статистика показывает, что достигнув наибольшего значения в 1994 году, он в дальнейшем начал, хотя и медленно, но снижаться.⁴ Это объясняется тем, что в результате финансовой стабилизации снизился инфляционный налог, который, как уже говорилось, основной тяжестью ложится как раз на наименее обеспеченные слои населения. Кстати, это опровергает распространенное мнение о том, что подавление инфляции - вещь не такая уж необходимая, ибо дается слишком дорогой социальной ценой. Как раз наоборот: именно инфляция с ее инфляционным налогом («сеньоражем») сокращает доходы населения, особенно беднейших его слоев.

Страна потерпела в годы реформ огромный ущерб. Некоторые даже сравнивают его с ущербом, который был понесен Советским Союзом за годы Великой Отечественной войны. Конечно, это преувеличение. И все же объективность требует разделить ответственность: в чем виноваты реформы и реформаторы, а в чем обстоятельства, которые этой реформе предшествовали и сопутствовали.

Экономическая перестройка, то есть изменение самой структуры сверхмилитаризованного народного хозяйства в хозяйство, ориентированное на удовлетворение потребностей людей, - дело долгое и дорогостоящее, какие бы мудрые люди им ни руководили. За ошибки и преступления прошлого, к сожалению, приходится платить. Лишь в качестве простого примера: СССР наработал больше химического оружия, чем весь остальной мир, теперь требуются миллиарды и миллиарды рублей, чтобы его уничтожить, а

поскольку это дело долгое - пока что хранить. Очень пригодились бы эти миллиарды пенсионерам, врачам, учителям... Но мы строим заводы и склады, подвергаем экологическому риску целые регионы. А десятки устаревших атомных подводных лодок? Без помощи других стран, Россия их даже утилизировать не способна. А ядерные полигоны?...

Впрочем, сейчас слово «конверсия» несколько подзабыто, вышло из употребления. Наоборот, за пять последних лет государственный оборонный заказ вырос, как мы упоминали, втрое. Закладываются новые серии атомных крейсеров. Снова государство затрачивает колоссальные средства на армию, отнимая их у тех же врачей, ученых, учителей, детей и пенсионеров. (В госбюжете расходы на оборону превышают расходы на здравоохранение, образование, культуру социальную политику, вместе взятые.) Понятно, конечно, что генералам ВПК всегда нужны были военные заказы, им до смерти не хотелось переходить на мирную продукцию, за которую платят меньше и с которой хлопот больше: конкуренция не позволяет расслабиться. Они, можно сказать, перетерпели «лихолетье реформ», обрекая своих рабочих на безработицу и голодуху. А теперь они снова на коне.

Надо учесть: когда-то в СССР военно-промышленный комплекс (ОПК) не только перерабатывал львиную долю материальных ресурсов страны на производство оружия, но и высасывал все жизненные соки из производств, предназначенных непосредственно для человека (например, пищевой, легкой промышленности): отбирал лучшие кадры, лучшие материалы, лучшее оборудование. В результате эти производства катастрофически отстали от мирового уровня. Чтобы теперь догнать его, тоже требуются миллиарды. Более того, теперь приходится фактически заново создавать многие отрасли, - в Советском Союзе их просто не было. Это же относится к отраслям производственной и социальной инфраструктуры, какая имеется у каждого цивилизованного государства: дорогам, связи, аэропортам и т.д.

⁴ Не считая периода, непосредственно следовавшего за августовским кризисом.

За многое мы платим сегодня! В этом не менее существенная причина падения жизненного уровня народа, чем сама по себе реформа, - опять-таки при любых действительных и мнимых ошибках, допущенных ее организаторами.

Россия пережила и продолжает переживать нелегкое время. Критики курса реформ часто ссылаются на то, что у нас уровень зарплаты, исчисленный в долларах, во много раз меньше, чем в развитых странах Запада. Разумеется, это верно, это одна из самых глубоких и фундаментальных деформаций в российской экономике. К тому же это тормоз для инвестиций и технического прогресса (при низкой зарплате применение машин *невыгодно* – это было известно еще во времена К.Маркса)). Но не надо забывать: «долларовый» уровень заработной платы в бывшем Советском Союзе задолго до реформ был тоже во много раз ниже, чем в других странах. Например, в 1990 году средняя ежемесячная зарплата в СССР (при свободном курсе 30-40 рублей за доллар) не превышала 10 долларов США. Если считать по «официальному курсу» - то, разумеется, больше, примерно 300 долларов – однако им никто в мире не пользовался, нереалистичность его была признана самим советским правительством, которое как раз тогда ввело десятикратный «туристический курс». И если считать по нему, то средняя заработная плата советского работника составляла около 30 долларов – это наиболее правдоподобная цифра (заметьте: в США в те годы средняя зарплата превышала 2000 долларов...). А за годы реформ, при всех недостатках, она существенно выросла, достигнув в 2005 году примерно 300 долларов. Конечно, это еще очень мало, поскольку цены выросли. Но ясно, что и в этом пункте обвинения не по тому адресу: ни реформы, ни реформаторы не виноваты в нашем отставании по показателю среднемесячной заработной платы. Просто это еще одно наследие коммунистического прошлого.

Определяя социальную цену реформ, важно сохранять объективность и не валить с больной головы на здоровую - факты все равно рано или поздно раскроют нам истину.

3.3 Сквозь тернии – к звездам

«Это было самое прекрасное время, это было самое злосчастное время»...Нет, не мои эти слова, вынесенные в заголовок главы. С юности запомнилось мне, как ими характеризовал эпоху Великой французской революции один из классиков литературы (кажется, Чарльз Диккенс в «Повести о двух городах»). По-моему, они подходят и к нашему – действительно, такому трудному и в то же время прекрасному - переломному времени либеральных и демократических реформ в России. Оглянитесь вокруг. Много изменилось в нашей жизни, в облике наших городов, и главное, в душах наших людей – причем далеко не все изменилось к худшему, как нас все время убеждают.

Прежде бывали времена, когда едешь в метро на эскалаторе, а тебе навстречу – лица, лица, лица, и ни одной улыбки... На это часто обращали мое внимание иностранные гости, приезжавшие в Москву – и они были правы. А сейчас люди – что ни говори – стали раскованнее, веселее. И когда я пишу эту книгу, то не держу себя, как бывало, за руку: не вычеркнет ли ту или иную фразу вездесущий цензор Главлита? Работая журналистом, я всегда испытывал этот страх и, помню, долго-долго изживал его из своего подсознания, когда начались перемены.

А расширение доступа к информации о стране и о мире? Тут перемены ни с чем не сравнимые. Интернет, спутниковые телевизионные антенны, доступное на любых волнах радио (помните «глушилки»? помните отечественные приемники, на шкале которых не было коротких диапазонов?) – все это напрочь разнесло железный занавес, отделявший страну от всей остальной планеты. Ежегодно миллионы наших сограждан выезжают за границу (в 2003 г. примерно 8,5 миллиона), и при этом они не проходят унижительных допросов на всяких

выездных комиссиях парткомов и райкомов, как бывало в советское время. Захотел в отпуск в любую страну - собирайся в дорогу... Количество международных телефонных разговоров выросло за годы реформ (с 1990 по 2003 г.) в тридцать раз. Наконец, просто возможность передвижения россиян по стране и за ее пределами (их мобильность) не могла не измениться: число легковых автомобилей, находящихся в личной собственности, за те же годы выросло втрое, составив в расчете на тысячу человек населения более 160 единиц.

Не сразу, конечно, но очень постепенно менялись не только лица людей, но и облик пусть не всех, но очень многих городов и сел страны. Море огней рекламы на улицах Москвы, запруженные автомобилями улицы, сверкающие магазины, интернет-кафе и перезвон мобильных, все это стало привычной картиной. Причем, правильно говорят: Москва сегодня - это другие города через пяток или десяток лет. И все это порождено рыночными реформами, теми самыми, о которых с гневом и ненавистью на каждом углу говорят недовольные. Их достаточно - недовольных тем, что в нашей стране вообще проводились либеральные рыночные реформы, и тем, как они проводились. Многие из них - самые активные и громогласные - это просто неудачники из бывшей партийной и хозяйственной номенклатуры, не успевшие сориентироваться и «подсуетиться» в период приватизации, как это сумели сделать их более энергичные и удачливые соседи по спецбюджетам и госдачам, ставшие теперь бизнесменами, богатыми людьми. Впрочем, глубоко прав один из авторов «Известий» Денис Драгунский, который писал о том, что и они, недовольные, охотно пользуются благами и возможностями, которые принесла проклинаемая ими либерализация цен и приватизация государственной собственности. Он пишет: «Разумеется, либерализм можно и нужно обсуждать и критиковать. Но хорошо бы помнить, что сама возможность такой критики - компьютер, на котором она записывается, интернет, по которому она посылается в редакцию, журнал, в котором она печатается, - что все это принесли стране либеральные политические и экономические реформы.

Будь честен. Не любишь либералов - выброси мобильник.»⁵ ... Этой шуткой заканчивается статья. Воистину, как князь Потемкин, по преданию, сказал Фонвизину: «Умри, Денис, лучше не напишешь!»...

И все-таки вернемся к прозе жизни, туда, где прекрасное и злосчастное густо переплетены.

По возможности, избегая повторения сказанного в предыдущих главах, попробуем *по годам реформ* проследить основные изменения в облике российской экономической жизни. Мы увидим, какой трудный путь прошла наша страна за 15 лет. Можно было бы сказать (помните Введение к книге?) – путь по U-образной кривой. Или проще: от катастрофического спада к уверенному подъему (то есть сейчас мы находимся на восходящей ветви этой кривой). Поэт сказал бы даже более красиво: путь через тернии к звездам... Но, полагаю, это было бы преувеличение.

В первом году реформ, **1992 г.**, экономическая ситуация, что совершенно естественно, была сложной. Прежде всего - в силу макроэкономических диспропорций и трудностей, неизбежно возникающих на начальных этапах перехода к рыночной экономике. Продолжалось сокращение производства. Оно было обусловлено, с одной стороны, падением уровня внутреннего платежеспособного спроса вследствие уменьшения реальных доходов населения, а с другой стороны, - медленным приспособлением производителей к новым ценовым пропорциям. Радикально изменились структура и масштабы государственных расходов на инвестиции в основной капитал и на оборону. Большое значение имело и нарушение традиционных экономических связей со странами Восточной Европы и бывшими союзными республиками — теперь государствами СНГ и Прибалтики.

Предприятия по-прежнему видели своей основной задачей наращивание масштабов производства, и вне сферы их внимания оставались проблемы

⁵ «Известия», 4 октября 2000 г.

сбыта, а также анализа уровня и структуры спроса на их продукцию. Поэтому и начались массовые взаимные неплатежи предприятий. Рыночные процентные ставки достигали 130-140%, и значит, предприятия лишились всякой возможности брать кредиты для поддержания производства, строительства, покупки оборудования. Оборотные средства и сбережения населения обесценивались инфляцией, что усиливало тенденцию к долларизации экономики.

Одной из стратегических целей правительства было исправление сложившихся ценовых диспропорций. Не все цены были освобождены: регулирование цен на энергоресурсы сохранялось, но абсолютный их уровень был увеличен со 2 января 1992 года более чем в 5 раз, а вскоре правительство было вынуждено снова и снова их поднимать, поскольку в силу более быстрого роста цен на изделия обрабатывающих отраслей по сравнению с ценами на энергоресурсы, структура цен не только не улучшалась, но и ухудшалась.

Лавинообразный рост неплатежей между предприятиями создал существенную напряженность с исполнением бюджета, так как неплатежи стали выступать в роли своего рода заменителей безналичных денег, и предприятия уходили от оплаты налогов. Когда, с середины 1992 года, был введен механизм предоплаты за поставляемую продукцию, платежная дисциплина несколько улучшилась, но одновременно резко углубился спад промышленного производства — не пользующиеся спросом товары стали производиться в гораздо меньших объемах. Другим существенным фактором, обусловившим спад промышленного производства на начальном этапе реформ, стало падение инвестиционной активности и соответствующее снижение платежеспособного спроса на инвестиционные товары (к ним относятся оборудование, стройматериалы и т.п.).

Если читатель помнит, некоторое «оживление» промышленного производства последовало за проведенными во второй половине 1992 г. взаимозачетами между предприятиями. То была, как указывалось, Пиррова

победа: расширенная кредитная эмиссия едва не ввергла страну в пучину гиперинфляции. А что же взаимные неплатежи? Их уровень восстановился и даже был превышен очень скоро, в начале 1993 года. На многие годы они стали одной самых болезненных проблем экономической жизни страны.⁶

В 1993 году продолжался спад производства, рост цен на продукцию практически всех отраслей промышленности и сельского хозяйства, а также тарифов на платные услуги, транспортные перевозки и строительные работы. Вопреки общей тенденции, в этом году резко выросло производство телевизоров, холодильников и других «мирных» изделий оборонной промышленности, что было связано с начавшимся процессом конверсии «оборонки». Импорт же аналогичных товаров тогда еще был незначителен.

К числу принципиально новых и наиболее существенных фактов, влиявших в этот период на формирование структуры ВВП, относится активизация процессов преобразования форм собственности. Началась массовая (ваучерная) приватизация и последовавшее за ней акционирование предприятий. В результате этих, взбудораживших всю страну, событий, негосударственный сектор очень скоро приобрел доминирующее положение, наращивая свое влияние во всех сферах деятельности. Решительное подавление попытки государственного переворота спасло страну от реставрации социалистической диктатуры, но привело к поражению демократических сил на выборах, что сказалось на дальнейших событиях в экономической жизни страны.

В 1994 году произошло второе серьезное сокращение объемов производства. Этому способствовало сочетание таких факторов, как сужение спроса на внутреннем рынке в связи с резким сокращением инвестиционных и военных расходов, уменьшение объема импорта материалов и комплектующих изделий, изменение ценовых пропорций (соотношение цен на материально-

⁶ Поразительно, что есть экономисты, в том числе и весьма квалифицированные, которые до последнего времени упорно предлагали метод взаимозачетов как панацею от нехватки оборотных средств у предприятий или от иных бед российской экономики. Сейчас проблема неплатежей благополучно ушла в прошлое: ее решили не многомудрые программы, которые составлялись и предлагались правительству этими экономистами, а сам рынок, восстановивший нормальное товарно-денежное обращение в стране.

технические ресурсы и готовую продукцию). Значительную роль в этом сыграло и постепенное ужесточение финансовой политики, усиление бюджетных ограничений, а также резкое снижение конкурентоспособности собственных товаров по мере роста реального обменного курса рубля. Первыми с конкуренцией со стороны импортеров столкнулись предприятия легкой промышленности: они раньше всех уперлись в потолок мировых цен, за чем последовало массовое вытеснение российских товаропроизводителей с рынка. Так, только за один 1994 год объем производства в легкой промышленности сократился почти наполовину. Что же касается производства телевизоров, холодильников и подобных товаров, то после кратковременного подъема оно скатилось почти до нуля: население отказывалось их покупать, когда на прилавках было полно, по той же или даже немного более высокой цене, высококачественных иностранных изделий.

По итогам 1994 г., с постепенной утратой иллюзорных надежд на сохранение традиционных пропорций производства, начался процесс формирования новой структуры предложения, адекватной платежеспособному спросу. Однако перестройка требует денег, а их у промышленности не было: все еще более высокая эффективность (для банков) операций на финансовом и валютном рынках ограничивала возможности вложения капитала в реальный сектор. Хотя инфляцию и удалось несколько снизить, этого было еще недостаточно, чтобы кредиты «пошли» в производство.

Процесс акционирования предприятий, последовавший за их приватизацией, привлек в эту сферу предприимчивых людей не только из легальных, но, к сожалению, и преступных структур. Убийства предпринимателей, конкурирующих за право обладания пакетами акций, стали распространенным явлением. К тому же, это был год, когда бюджетный кризис достиг наибольшей остроты. (Только в 1992 году – если считать годы реформы – дефицит федерального бюджета был больше). Правительство пыталось решить проблему дефицита бюджета с помощью заимствования

дополнительных средств (расширив выпуск пресловутых ГКО, учрежденных в мае предыдущего года), но это загоняло экономику в тупик, мостило дорогу к кризису 1998 года.

Однако с **1995** года в российской промышленности впервые обозначились точки роста. Некоторые отрасли компенсировали сокращение внутреннего спроса выходом на мировой рынок. Это касалось уже не только сырья и энергоносителей. Увеличился экспорт металлов (черных и цветных), продукции химической промышленности, а также продукции лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной отраслей. По итогам 1995 года производство в металлургии выросло довольно существенно: в черной металлургии на 10%, в цветной — на 3%. Объем производства в химической промышленности увеличился благодаря экспорту на 8%. Первые признаки оживления в отдельных отраслях промышленности были обусловлены не только общим улучшением хозяйственной конъюнктуры, но и определенными изменениями в менталитете хозяйственных руководителей. Именно в это время прекратились пророчества о «коллапсе» российской экономики — хотя о настоящем подъеме, разумеется, еще и речи быть не могло. Общеэкономическая ситуация в 1995-1996 гг. формировалась в условиях последовательной реализации так называемой жесткой денежной и кредитной политики. В это время особого размаха достигло забастовочное движение, а также социальная напряженность, вызванная массовыми задержками выплаты пенсий и зарплат бюджетников.

На экономическую конъюнктуру в **1996** году существенное влияние оказывали крайне острая ситуация с исполнением бюджета, высокие темпы роста внутреннего государственного заимствования, ухудшение финансового состояния реального сектора, снижение финансовой дисциплины на всех уровнях экономики.

Негативное воздействие всех этих факторов особенно ярко проявилось в период кампании по выборам Президента Российской Федерации.

Конъюнктура финансовых рынков и, прежде всего, динамика процентных ставок в течение 1996 г. находились в определенной зависимости от политических факторов.

Развитие российской промышленности в 1996 году не ознаменовалось особыми успехами. Для большинства отраслей был характерен умеренный спад производства. Но, может быть, даже важнее следующее: хотя правительство в этом и 1995 годах приняло ряд постановлений, направленных на создание благоприятного инвестиционного климата, деньги опять-таки «не захотели» идти в инвестиционную сферу. Более того: темп инфляции снизился до приемлемого уровня уже в 1995 г., а инвестиции в 1996 г. не увеличились, упали. Создавалось впечатление что реформы, динамично начатые в 1992 году, постепенно растеряли свою энергию, и это более всего сказывается на инвестиционном процессе.

Крупнейшую социальную проблему представляли собой ставшие пагубной традицией постоянные задержки с выдачей заработной платы и пенсий. Забегая вперед, замечу, что в первые годы нового десятилетия эта проблема постепенно отошла на периферию общественной жизни: задержки, конечно, случаются и сейчас, но редко. Сказались принятые государственной властью решительные меры, в частности, поручение генеральной прокуратуре подвергать руководителей, виновных в задержке платы, уголовному преследованию. Что же касается пенсий, то вопрос об их задержках отпал сам собой, когда в стране начали составляться и выполняться реальные бюджеты.

В 1997 году статистика впервые зафиксировала положительную динамику промышленного производства — общий рост превысил 1,5% в целом за год. При этом наиболее быстрыми темпами росло производство в цветной металлургии (за счет экспорта) и в машиностроении (в основном в автомобилестроении, в ответ на повышение внутреннего спроса). Заметно выросли объемы производства в медицинской промышленности (на 15%). Впервые появились признаки стабилизации в легкой и пищевой отраслях.

Отечественные производители продуктов питания начали успешно конкурировать с зарубежными. В первую очередь это относится к мясо- и молокоперерабатывающим заводам, которые оказались способны внедрить новые технологии, улучшить качество и товарный вид производимой продукции. Реальные процентные ставки спустились ниже 10% годовых, стали увеличиваться объемы кредитов банка реальному сектору. Вообще жизнь понемногу стала налаживаться: уменьшилась заболеваемость населения и немного выросла средняя продолжительность жизни, сократились показатели преступности.

Казалось, наступил долгожданный перелом. Но уже в конце года до России начали доходить отголоски финансового кризиса, разразившегося в странах Юго-Восточной Азии: тут сыграла роль достигнутая в ходе реформ значительная открытость российской экономики – в обратном случае, этот кризис нас бы и не коснулся... Но все-таки он был не единственной и даже не главной причиной событий, разразившихся **в 1998 году**.⁷ Непростую экономическую ситуацию породил снежный ком государственных заимствований (те самые ГКО и другие облигации), накапливавшихся с каждым новым дефицитным бюджетом за прошедшие годы. События вокруг 17 августа 1998 года привели к резкому снижению доходов значительной части населения, потере работы и – может быть, это достойно особого сожаления – банкротству, разорению бизнеса тысяч людей, которые были опорой рыночных реформ. В середине года достигли пика задержки в выплате заработной платы. Инфляция характеризовалась давно уже не виданными темпами, рубль резко потерял в цене.

Хочу признать, что слово «казалось», в начале предыдущего абзаца было применено мною напрасно: перелом в 1997 году действительно состоялся, упрочившаяся тенденция к росту была лишь *прервана* кризисом лета 1998 года.

⁷ Примечательно, что кризис не коснулся Эстонии, несмотря на открытость ее экономики. Дело в том, что ее финансовая система после «шоковой терапии» обрела достаточную устойчивость – в отличие от России.

По-видимому, несмотря на грозу, пронесшуюся над российской экономикой, а может быть и благодаря этой грозе (в каком-то смысле — очистительной, как бывает в природе!), рост производства вскоре действительно возобновился.

1999 год удивил всех экспертов: они ожидали продолжения спада производства, а получили подъем, и довольно значительный. Но с точки зрения экономистов, главное событие этого года иное – тот факт, что впервые удалось выполнить государственный бюджет без дефицита. В книге «Экономика переходного периода» этому событию дается такая оценка:

«Главным результатом деятельности правительства Е.Примакова, а также сменивших его правительств С.Степашина (май-август 1999 г.) и В.Путина (с августа 1999 г.) стало обретение страной в 1999 г. бюджетного равновесия... По своей экономической значимости этот факт сопоставим с достижением рыночного равновесия при Е.Гайдаре (благодаря либерализации цен) и обретением ответственной денежной политики при А.Чубайсе»⁸

В **2000 году** начался новый, второй этап экономических реформ. Его контуры были определены Стратегической программой Грефа, первые плоды которой проявились уже в этом году: в мае в Государственную думу были внесены законопроекты, означавшие коренное реформирование налоговой системы. Был разработан и первый пакет нормативных актов, направленных на дерегулирование экономики (упрощение порядка регистрации предприятий, лицензирование, упорядочение надзора над бизнесом со стороны контрольных органов)

К концу 2000 года был достигнут рекордный объем внешнеторгового баланса России. Естественно, основные экспортные доходы были получены благодаря самой высокой зафиксированной мировой цене на нефть. В **2001 году** цена на нефть и соответственно, торговый баланс, начали снижаться, но потом возобновили свой рост.

⁸ Экономика переходного периода... 1998 – 2002. «Дело», 2003, с. 107.

2001 год можно считать годом прощания с затянувшимся кризисом взаимных неплатежей предприятий и с бартером (так называемыми неденежными формами расчетов). Они, конечно, еще сохранились, но в объемах, совершенно нормальных для большинства рыночных стран. В промышленности усилились процессы слияний и поглощений, в том числе возобновились и так называемые «враждебные поглощения» – последние иногда доходили до случаев вооруженных захватов предприятий. К сожалению, власти недостаточно активно контролировали такие процессы и, что особенно важно, не противодействовали попыткам отдельных компаний добиваться монопольного положения на рынках. В парламенте раздавались требования пересмотра итогов приватизации середины 90-х годов. На этом фоне, естественно, еще больше активизировалась коррупция во властных структурах. Чиновники (особенно из силовых структур), не преуспевшие на этапе приватизации, стремились взять реванш, организовать новый передел собственности и поучаствовать в нем. «Технология» такого передела понятна: сначала национализация (примеры были приведены выше), а потом, когда общество снова убедится в неэффективности госпредприятий по сравнению с частными, их потребуется еще раз приватизировать – только теперь уже с передачей в иные руки...

В **2002** году в основном завершился процесс перераспределения собственности и формирования крупных хозяйственных структур в нефтяной, угольной и металлургической отраслях. Некоторые из них начали приобретать мультинациональный характер: например, компания «Северсталь» приобрела металлургический завод в США, компания «Лукойл» купила в этой же стране сеть бензоколонок; была создана объединенная международная промышленная группа, в которую вошли российская компания СУАЛ, а также ряд компаний из Казахстана, Великобритании, Мозамбика и Кубы. Наблюдатели отмечают существенное повышение качества управления и, так сказать, облагораживание практики ведения дел в бизнесе. Одним из

существенных корпоративных событий 2002 года стало раскрытие компанией «ЮКОС» данных о структуре собственности (это - пример, в какой-то степени исключительный: до сих пор сведения о том, кому реально принадлежат многие компании, как распределяются пакеты акций между их собственниками, остаются тайной за семью печатями).⁹ Можно было бы считать, что бурные дни господства «закона джунглей в экономике» – позади. Если бы не последовавшие за этим события, связанные с известным делом того же ЮКОСа...

В своем ежегодном послании от 18 апреля 2002 Президент В.Путин говорил: «Считаю, что основное сейчас – это создание условий, при которых граждане России могут зарабатывать деньги. Зарабатывать и с выгодой для себя вкладывать в экономику своей собственной страны. Но для этого необходимо устранить то, что все еще мешает людям жить и работать. И прежде всего придется изменить саму систему работы государственных институтов...». Этим был дан сигнал к началу широкой административной реформе, которая с переменным успехом продолжается по сей день.

Что касается производства, то 2002 год был не вполне благополучным: темпы роста, уже начавшие затухать в 2001 году, снизились еще больше. Следовательно, сказалась известная особенность восстановительного роста: его неизбежное замедление на этапе исчерпания лежащих на поверхности ресурсов.

В 2003 году в целом экономическая конъюнктура была более благоприятной. Впервые после 2000 года темпы роста увеличились, то есть, как говорят статистики, был преодолён затухающий тренд. Увеличились и объёмы инвестиций в производственные фонды, прежде всего в обновление изношенного оборудования. Степень износа фондов по сравнению с прошлыми годами несколько уменьшилась. Финансовая ситуация позволила увеличить долю банковских кредитов в инвестировании (это процесс

⁹ Указ.соч..с. 429

проходил уже несколько лет) - можно сказать, что застарелые обвинения российских банков в том, что они не исполняют свою главную обязанность быть финансовыми посредниками, теперь практически отпали.

Правительство направило усилия на реорганизацию предприятий, остающихся в государственной собственности. Часть из них подлежала акционированию, часть – слияниям и присоединениям (оборонно-промышленный комплекс, железнодорожный транспорт, атомная энергетика, теле- и радиовещание), часть - приватизации. Начал восстанавливать свои позиции ОПК (раньше называвшийся ВПК).

А одним из главных событий года был суд по делу ЮКОСа и весьма нервная реакция на него в среде российского бизнеса. Правда, недолговечная.

В феврале **2004** года мировые цены на нефть достигли многолетнего максимума (в отдельные периоды превышая даже 50 долларов за баррель). Так что условия для развития экономики складывались самые благоприятные. Накапливался стабилизационный фонд, росли доходы бюджета и нефтегазовых компаний. В апреле 2004 было решено увеличить налоги на добычу полезных ископаемых и экспортные пошлины, что не могло не повлиять на размеры дивидендов, выплачиваемых акционерам компаний, а также, что куда важнее – на размеры инвестиций, вкладываемых ими в расширение производства на будущее. Развернулась кампания по предъявлению налоговыми органами претензий к нефтяным и иным промышленным группам о недоплатах налогов за прошлые годы (этот метод был отработан на процессе Ходорковского и Лебедева). По-видимому, именно эту кампанию президент Путин назвал однажды “налоговым терроризмом”. Что касается обвинений в недоплате налогов за прошлые годы, то, если такое случается, по-видимому, должны нести ответственность обе стороны: и компании, укрывшие облагаемые доходы, и налоговые чиновники,

которые во-время плохо проверили налоговые декларации. (Если принять такой поорядок – террор быстро прекратится!)

В **2005** году, как и все предшествующее пятилетие, экономика страны в целом развивалась успешно: темпы роста производства превышали 6 процентов в год, устойчиво росли доходы населения. Характерным для 2005 года явился процесс возвращения в государственную собственность некоторых важных активов. Этот процесс был начат развалом компании ЮКОС и продажей его основного нефтедобывающего подразделения, Юганскнефтегаза, через небольшую подставную фирму, государственной нефтяной компании. Правда, широкие слои населения это не волновало.

Другое дело – так называемая монетизация льгот, которая была проведена крайне неудачно, хотя замысел был вполне понятен и разумен. Но мир не знал еще такой реформы, при которой государство добавило на социальные цели (а не отняло!) десятки миллиардов рублей, а в ответ тысячи демонстрантов перекрывали бы дороги и улицы... В 2005 году были также объявлены четыре национальных проекта, выполнение которых началось в 2006 году : в области здравоохранения (в этом году ему будет выделено, по словам вице-премьера российского правительства Александра Жукова, 57,9 млрд руб.), образования (22 млрд руб.), обеспечения доступным жильем (21,9 млрд руб) и сельского хозяйства (14,2 млрд руб). Всего, следовательно, 116 млрд рублей.¹ Для сравнения напомним приведенные выше данные: только гособоронзаказ (то есть, не считая средств на текущее содержание вооруженных сил и других оборонных ведомств и иные аналогичные нужды) на этот же год, по плану, составит 237 млрд рублей. Не наступают ли наше правительство и президент Путин на старые – старые грабли? Неужто забыли, **что** в конце концов подвело Советский Союз к его бесславному концу? Представляется, пока еще есть время задуматься над этими непростыми вопросами...

В конце года к работе приступила вновь образованная Общественная палата. Остается подождать, оправдаются ли возлагаемые на нее надежды.

¹ <http://lenta.ru/news/2005/10/10/social/>